

Анатолий Антонов:

«РОССИЯ ВЫНУЖДЕНА ЗАНЯТЬСЯ СОЗДАНИЕМ
СТРАТЕГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ В НЕЯДЕРНОМ ОСНАЩЕНИИ»

Стратегические вооружения в неядерном оснащении становятся новым фактором стратегической стабильности. Их разработка и потенциальное развертывание уже сейчас ставят острые вопросы не только в рамках российско-американских отношений, но и шире — в рамках перспективы подключения к переговорам о сокращении стратегических сил других стран ядерной пятерки. В то же время именно Россия и США, обладающие наибольшими стратегическими потенциалами, несут ответственность за то, чтобы диалог по этому вопросу все-таки начался.

Каковы подходы российской и американской сторон к проблеме СНВНО? Для решения каких задач предназначен этот тип вооружения? Какие риски для международной безопасности несет его появление? Как связана проблема СНВНО с проблемами противоракетной обороны, милитаризации космоса и обычных вооружений? Способны ли неядерные стратегические системы заменить ядерное оружие в деле поддержания стратегической стабильности? На эти и другие вопросы журналу Индекс Безопасности ответил заместитель министра обороны Российской Федерации, д.п.н. Анатолий Антонов¹.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Насколько вопрос стратегических наступательных вооружений в неядерном оснащении (СНВНО) актуален в контексте отношений России и США?

АНТОНОВ: Вопрос СНВНО был одним из наиболее острых в ходе российско-американских переговоров по новому договору СНВ, и под это определение подпадают любые баллистические ракеты, в том числе МБР и БРПЛ, оснащенные неядерными боеголовками. В то же время тяжелые бомбардировщики, хотя и считаются стратегическим оружием, не представляют такой же серьезной угрозы в контексте рассматриваемых вопросов в силу ряда особенностей их использования.

Было бы неправильно утверждать, что вопрос СНВНО раньше, до работы над новым договором СНВ, не стоял. Здесь важно подчеркнуть, что новый договор, так же, как и договор СНВ-1, является договором о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. Не случайно слово *ядерный* в данном определении отсутствует. Это не упущение со стороны наших делегаций, а результат сложного компромисса с США. Вашингтон всегда стремился к заключению договоренностей, которые бы не затрагивали так называемые обычные вооружения и СНВНО, а касались бы только ядерного оружия.

Россия, напротив, всегда настаивала на том, что новый договор должен распространяться на все виды стратегических вооружений. Мы всегда подчеркиваем неприемлемость компенсирования ядерных сокращений путем наращивания стратегических неядерных систем. Это не является равноценным обменом.

Дело в том, что разрушительный потенциал СНВНО становится все ближе к уровню ядерного оружия. Российская сторона тщательно отслеживает планы, касающиеся передовых технологий в области неядерных стратегических ракет. Поступающая информация недвусмысленно показывает, что США стремятся к развитию значительного нового сегмента своего стратегического арсенала, способного решать широкий круг задач, которые раньше можно было решить исключительно с использованием стратегического ядерного оружия.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Для решения каких задач Соединенные Штаты ведут работу над созданием данного типа оружия?

АНТОНОВ: Эта работа ведется в рамках так называемой концепции *быстрого глобального удара* (Prompt Global Strike). США приступили к развитию данной концепции на рубеже 1980–1990-х гг. Окончательной целью концепции является достижение Соединенными Штатами полномасштабного глобального превосходства, в том числе путем разработки новых эффективных неядерных стратегических вооружений, с сохранением американского ядерного арсенала.

Если концепцию *быстрого глобального удара* удастся воплотить в жизнь, у США появится возможность наносить неядерные удары по целям в любой точке планеты в течение часа после принятия соответствующего решения. При этом принимается во внимание изменение природы угроз безопасности США, которые исходят не только от России или, к примеру, Китая, но и от так называемых *государств-парий*, террористов и экстремистских групп. Считается, что использование ядерного оружия против таких противников было бы контрпродуктивным. По сути дела, речь идет о трансформации военного потенциала США с целью приведения его в большее соответствие с природой будущих конфликтов.

Сторонники этой концепции считают, что СНВНО будет наилучшим средством сдерживания агрессивных противников регионального уровня, и нанесение высокоточных неядерных ударов большой дальности по таким противникам станет адекватным ответом. Следовательно, СНВНО более приемлемо и более эффективно в качестве инструмента сдерживания государственных и негосударственных игроков. Высокоточные неядерные удары большой дальности могут стать единственным средством предотвращения атаки с использованием оружия массового уничтожения либо предотвращения дальнейших атак после первоначального акта агрессии.

Дальность, скорость, поражающий потенциал и эффективность СНВНО в сочетании с возможностью быстрого реагирования с использованием такого оружия позволят вооруженным силам выполнять практически все те задачи, для которых ранее требовалось ядерное оружие. Американские военные считают, что СНВНО помогут перейти к быстрому планированию и нанесению ударов по целям, находящимся на расстоянии тысяч километров, в случае принятия президентом США соответствующего решения на основании оперативных разведданных. Они утверждают, что воплощение концепции быстрого удара потребует очень быстро — в течение нескольких минут — сбора данных, принятия решения и выполнения этого решения.

Еще одним преимуществом СНВНО, по словам американских экспертов, является относительная дешевизна такого оружия по сравнению с неисчислимой ценой последствий возможного применения ОМУ.

В то же время США в основном говорят о возможных ударах по базам, местам встречи террористов или их лидеров. Однако указанный тип вооружений не слишком хорошо подходит для решения таких задач.

Во-первых, такие встречи редко проходят в отдаленных и слабозаселенных районах, поэтому использование такого оружия в силу его большого разрушительного потенциала приведет к массовым жертвам среди мирного населения.

Во-вторых, такие цели являются высококомобильными. Длительность подлетного времени МБР, а также время, необходимое на подготовку и принятие решения о запуске, не позволят гарантированно уничтожить движущуюся цель. Достаточно взглянуть на ситуацию с беспилотными летательными аппаратами, которые используются в Афганистане для борьбы с бойцами Талибана. Несмотря на относительно небольшой размер, низкую эффективность управления и ограниченный огневой потенциал беспилотников, их применение, в том числе в населенных районах, ведет к значительным жертвам среди мирного населения. Отсюда гуманитарные аспекты использования СНВНО для избирательно-го уничтожения боевиков и террористов вызывают огромные сомнения, а цену возможной ошибки при сборе или интерпретации разведанных невозможно прогнозировать.

В-третьих, США имеют развернутые военные силы в ключевых точках планеты, что уже сейчас позволяет им в случае необходимости наносить мощные удары по противнику с использованием высокоточного оружия. В этой связи вероятность ситуации, в которой США будут вынуждены прибегнуть к использованию СНВНО, крайне низка, особенно учитывая возможные побочные эффекты такого шага в плане стратегической стабильности. Имеются также серьезные сомнения в том, насколько рациональными были бы расходы на разработку и создание столь дорогостоящего оружия с единственной целью уничтожения лидеров террористов.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Если заявленные задачи столь явно не соответствуют потенциалу СНВНО, что же США рассчитывают получить в итоге?

АНТОНОВ: Очевидно, что в случае успешного внедрения концепции быстрого глобального удара, основанной исключительно на СНВНО, вооруженные силы США получат мощное и современное наступательное оружие, которое создаст прочный фундамент для выполнения глобальных миссий на море, на суше и в космосе. Благодаря своим отличительным характеристикам такие ракетные системы смогут выполнять задачи, которые сейчас могут быть выполнены только с использованием стратегического ядерного оружия.

Вместе с тем уровень принятия решения о применении СНВНО может быть значительно снижен по сравнению с арсеналом ядерного сдерживания. Здесь также необходимо подчеркнуть тот факт, что в случае развертывания СНВНО ключевой фактор ядерной неопределенности и непредсказуемости никуда не денется, поскольку все заявленные Соединенными Штатами потенциальные цели для ударов в рамках *быстрого глобального удара* находятся в непосредственной близости от российских и китайских границ.

Поэтому запуск неядерных МБР или БРПЛ в направлении территории России или Китая может быть воспринят в качестве ракетной атаки по этим странам, резко повышая риск запуска их ракет для нанесения ответного удара. Мы считаем, что американские военные эксперты хорошо понимают невозможность определения после запуска, какой тип боеголовки установлен на МБР или БРПЛ — ядерный или неядерный.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Каким образом будет реагировать российская система предупреждения о ракетном нападении в случае применения СНВНО американской стороной?

АНТОНОВ: Система предупреждения о ракетном нападении спроектирована таким образом, чтобы предоставить как можно больше времени на принятие решения военным и правительству. Принимая во внимание, что наиболее опасные в плане терроризма регионы примыкают к российской территории, любые ракетные запуски по целям в этих регионах будут обнаружены российскими средствами и восприняты, скорее всего, как враждебные. Это диктует физика и география обнаружения запуска ракет.

Принимая решение о мерах реагирования, российские военные будут исходить из предположения о том, что ракета несет ядерную боеголовку. Более того, в условиях явного дефицита времени на проведение всесторонней оценки оперативной ситуации основные меры реагирования будут выполнены в автоматическом режиме. В этой связи возникает очевидный вопрос: понимает ли кто-нибудь в полной мере катастрофический риск, который несут в себе неопознанные боеголовки?

В контексте этой проблемы остаются серьезные вопросы относительно последствий частичного переоснащения американских стратегических подводных ракетносцев неядерными БРПЛ. Остается проблема предотвращения случайных или несанкционированных запусков БРПЛ, оснащенных ядерными боеголовками, во время боевого дежурства подводных лодок со смешанным составом ракет. Здесь возникает необходимость в многократном дублировании санкции на запуск. Однако не ясно, возможно ли это с технической точки зрения. Неясно также, каким образом уведомлять государства, над территорией которых будут пролетать баллистические ракеты, и где будут падать отработанные ступени ракеты. Все это несет чрезмерно высокий потенциал для конфликтов и напряженности в международных отношениях.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Существуют ли пути достижения компромисса между Россией и США по вопросу развертывания и применения СНВНО?

АНТОНОВ: Один потенциальный вариант уменьшения озабоченности России по этому поводу заключается в рассмотрении американцами возможности размещения своих МБР в неядерном оснащении на отдельных базах, подальше от баз с ядерными ракетами. К примеру, это могла бы быть база *Ванденберг* или мыс Канаверал.

Само собой разумеется, что МБР в неядерном оснащении должны иметь какие-то характерные черты, чтобы отличаться от ракет в ядерном оснащении. Они также должны подпадать под режим инспекций или демонстраций. Однако такие процедуры верификации не могут дать полной гарантии того, что при определенных обстоятельствах некоторые из таких неядерных МБР не будут вновь оснащены ядерными боеголовками.

Кроме того, складывается впечатление, что никакие меры прозрачности не будут достаточными в условиях ограниченного времени и отсутствия исчерпывающей информации в случае конфликта, если США примут политическое решение о нанесении удара с использованием СНВНО.

Нужно также сказать, что многие из способов уменьшить озабоченность России касательно неядерных МБР невозможно применить к БРПЛ. К примеру, неядерные БРПЛ предполагается разместить на подводных лодках, несущих ядерные ракеты. Таким образом, возможность раздельного базирования, как в случае с МБР, исключается.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Получается, что ситуация со стратегической стабильностью в любом случае меняется с появлением СНВНО?

АНТОНОВ: На ситуацию со стратегической стабильностью надо смотреть шире, и, с точки зрения российской безопасности, здесь складывается довольно неприятная картина. Реализация планов по созданию глобальной системы ПРО, ведущиеся программы НИОКР по обычным силам в Европе и общий явный дисбаланс по обычным вооружениям между НАТО и Россией, двусмысленные намерения США в отношении размещения оружия в космосе, резкое ускорение развития военных информационных технологий, перспективы внедрения программы *быстрого глобального удара* с использованием СНВНО; дальнейшие сокращения ядерных арсеналов России и США — все это может подрвать стратегическую стабильность и сделать российский оборонный потенциал уязвимым. Такая эволюция, конечно же, не отвечает российским национальным интересам.

Ссылки Соединенных Штатов на новое качество двусторонних отношений, которое не предполагает военного конфликта между нашими странами, снять нашу озабоченность не в состоянии. Российская сторона неоднократно отмечала, что в военном деле принимать во внимание нужно реальный потенциал, а не намерения сторон, которые могут измениться со временем, в том числе в зависимости от имеющегося военного потенциала.

Американские планы по созданию СНВНО могут стать серьезным стимулом к ракетному распространению. Что, если другие обладающие ракетами страны тоже решат развивать и улучшать свои стратегические ракетные вооружения? Вы можете взглянуть на карту и увидеть, сколько стран могут разрабатывать подобные системы вооружений. К примеру, на территории бывшего СССР можно назвать Белоруссию, Украину и Казахстан. Поэтому речь идет в возможном новом опасном витке гонки вооружений, основанном на самых передовых ракетных и космических технологиях. При этом на международном уровне признанных ограничений на такое оружие не существует.

Принимая во внимание все вышесказанное, мы считаем абсолютно обоснованной ту озабоченность, которая высказывается авторитетными экспертами в отношении развития и улучшения неядерных высокоточных стратегических ракетных систем, учитывая, что этот процесс идет параллельно с развитием систем противоракетной обороны. Все эти тенденции могут не просто заморозить процесс сокращения ядерного оружия, но и обратить его вспять. Сложно себе представить, как такой сценарий может отвечать интересам международного сообщества.

Разработка СНВНО может положить начало стратегической гонке вооружений по двум параллельным направлениям — ядерному и неядерному. Более того, исследования и разработки в этих двух областях могут быть взаимодополняющими. Показательно, что создаваемый в США научный и технический потенциал в области высокоточных ракетных систем для доставки неядерных боеголовок на межконтинентальные расстояния может использоваться и для разработки высокоточных ядерных боеголовок, МБР и БРПЛ.

Подводя итоги, можно утверждать, что стратегические ракетные системы в неядерном оснащении способны оказать серьезное негативное влияние на международную безопасность и подрвать стратегическую стабильность. Их использование может лишь помешать скорейшему разрешению конфликтов. Более того, такие системы могут усилить международную напряженность и увеличить вероятность применения оружия массового уничтожения с учетом риска, что Россия или Китай неправильно истолкуют цель запуска СНВНО.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Ведется ли в самой России работа по созданию СНВНО? И если ведется, то какие формы контроля над такими вооружениями Россия и США могли бы применять в будущем?

АНТОНОВ: Первоначальная позиция России по данному вопросу сводилась к запрету СНВНО, но теперь, учитывая действия США, она вынуждена будет заниматься разработкой этого оружия. И пока не ясно, какого характера должно быть соглашение по этому типу ракет, однако наилучшим решением, конечно, было бы совсем запретить СНВНО.

Пока же, по условиям нового договора СНВ (этот подход использовался еще при заключении СНВ-I), все носители считаются способными нести ядерный боезаряд, и поэтому они подпадают под оговоренные предельные уровни. Неизвестно, когда будет подписан следующий договор, но мы в любом случае будем требовать, чтобы все СНВНО подпадало под будущие предельные уровни.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Сможет ли СНВНО полностью заменить ядерное оружие в качестве сил сдерживания и таким образом стимулировать появление безъядерного мира? Не будет ли в таком случае логичнее США и России делиться такими технологиями друг с другом и со своими союзниками?

АНТОНОВ: Довольно трудно представить, чтобы США, которые сегодня владеют такой технологией, поделились ею даже со странами НАТО, не говоря уже о России. В американских списках экспортного контроля Россия стоит в одном ряду с Ираном, Северной Кореей и т. д. Точно так же США совершенно не хотят делиться с другими технологиями ПРО. Идея мира, свободного от ядерного оружия, разумееется, хороша, и Россия привержена этой цели. Но для ее достижения нужно, чтобы все предприняли определенные шаги.

Если США планируют частично заменить ядерный потенциал стратегическими неядерными системами, которые могут выполнять те же задачи, что и ядерное оружие, нам довольно сложно будет думать о каких-то дальнейших сокращениях. В этой ситуации было бы неправильно вести переговоры о новом договоре в области ядерного разоружения.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Но не являются ли предельные уровни по количеству стратегических носителей и развернутых на них ядерных боеголовок, 800 и 1550 единиц соответственно, что прописано в новом договоре СНВ, избыточными для обеспечения безопасности России даже с учетом развития Соединенными Штатами СНВНО и ПРО?

АНТОНОВ: На данном этапе России нужно 1550 боеголовок плюс 700 развернутых ракет. Во время следующего раунда переговоров и дискуссий с США, с другими членами *ядерной пятерки* мы все вместе сядем за стол, рассмотрим ситуацию, и наши военные эксперты скажут, сколько нам нужно боеголовок. Сегодня нам еще многое предстоит сделать, в первую очередь выполнить новый договор СНВ. Однако сейчас уже невозможно предугадать, как в будущем сложится ситуация, принимая во внимание лишь только один параметр — ядерный баланс между США и Россией.

У нас есть и другие проблемы. К примеру, США, Германия и некоторые другие страны поднимают вопрос о нестратегическом ядерном оружии и неразвернутых боеголовках. Так что есть такая проблема. Но все проблемы нуждаются в серьезном обсуждении, по каждой проблеме надо обстоятельно работать.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие вопросы необходимо решить в первую очередь, чтобы все-таки сблизить позиции России и США и начать следующий раунд российско-американских переговоров по стратегическим вооружениям?

АНТОНОВ: *Во-первых*, это, конечно же, противоракетная оборона. Если взглянуть на новый договор СНВ, то можно увидеть, сколько раз там упоминается ПРО. В преамбуле мы согласились, что нынешнее состояние систем противоракетной обороны не представляет никаких проблем для российского потенциала ядерного сдерживания. В самом тексте договора мы упоминаем, что все ракеты на базе Ванденберг, которые переоснащены для неядерных задач, находятся под строгим контролем. А в конце договора российская сторона оставила за собой право выхода из договора в случае изменений в области ПРО, которые будут сочтены подрывающими российский потенциал сдерживания. Система ПРО не должна подрывать безопасность России, ракеты-перехватчики не должны размещаться поблизости от российских МБР, американские военные корабли не должны патрулировать районы, где они будут подрывать российский потенциал сдерживания.

Во-вторых, это проблема стратегической стабильности с учетом СНВНО. В двустороннем документе, который российский и американский президенты подписали в 2009 г., четко указано, что СНВНО — это проблема, которую необходимо решить. Правда, в документе не было подробностей относительно того, каких последствий для стратегической стабильности мы ожидаем от этого типа вооружений.

В-третьих, это ситуация с ядерными арсеналами Франции и Великобритании. Конечно, некоторые мои коллеги могут сказать, что у каждой из этих двух стран всего несколько сотен боеголовок и средств доставки. Но реальность состоит в том, что у нас с ними, т.е. между странами НАТО и Российской Федерацией, недостаток доверия. Нам многое предстоит сделать, чтобы стать настоящими партнерами во многих сферах. Именно поэтому мы рассматриваем потенциал Франции и Великобритании с той точки зрения, что они — члены одного альянса. Именно поэтому мы настаиваем на том, что следующий раунд переговоров должен быть многосторонним, по крайней мере, мы должны учитывать потенциал Великобритании и Франции. Также в ходе будущих переговоров нужно принимать во внимание упоминавшийся уже огромный дисбаланс в обычных вооружениях между Россией и странами НАТО.

В-четвертых, это проблема космоса. До сих пор не ясно, рассматривают ли США возможность размещения оружия в космосе или же они решили этого не делать. И здесь речь идет о предсказуемости, а мы не знаем, что завтра Соединенные Штаты будут считать угрозой, как они себя поведут. Надо понимать, что сегодня это в немалой степени зависит от того, какая администрация сидит в Белом Доме. Но если мы не знаем, что будет завтра, то не можем начинать переговоры о сокращении стратегических сил. Именно поэтому, кстати, мы и добиваемся гарантий.

Во время переговоров по новому договору СНВ я предлагал американским коллегам продолжить диалог после его подписания — со стороны России и США было ошибкой прекращать обсуждение реальных проблем. Наши делегации уважали друг друга, и для нас было важно продолжать такой диалог, независимо от того, насколько сложная проблема обсуждается. Но в то время я поддержки не получил. Я надеюсь, что в очень скором времени мы сможем вернуться за стол обсуждений. Но для начала следующего раунда переговоров предстоит провести очень большую работу.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: А есть ли какие-то угрозы, общие для России и США, для России и НАТО, которые играют на сближение сторон?

АНТОНОВ: Основная угроза для НАТО и России заключается в сочетании терроризма и оружия массового уничтожения, т.е. в том, что нашло свое отражение еще в Резолюции СБ ООН № 1540. Я абсолютно уверен, что вместе со странами НАТО,

вместе с внеблоковыми странами мы должны очень многое сделать, чтобы защитить себя. Но при этом, к примеру, невозможно укрепить собственную безопасность ценой безопасности Великобритании. Иначе говоря, во всей нашей работе нужно принимать во внимание принцип неделимости безопасности.

Еще одна будущая угроза — это ситуация на территории Афганистана. НАТО рассматривает ситуацию в Афганистане с юга. А мы предложили странам НАТО взглянуть на ситуацию с севера, из Таджикистана, из Киргизии — с точки зрения наших союзников. Если мы объединим свои возможности и наши усилия, особенно после 2014-го года — это будет в интересах безопасности всех европейских стран, а также Российской Федерации.

Что касается распространения ракетных технологий — все стороны здесь очень обеспокоены. Однако проблема в том, что Россия настаивает на политических, дипломатических средствах и инструментах решения этого вопроса. И мы не должны развивать такие системы обороны, которые создают проблемы друг для друга. Мы должны забыть о том, что в прошлом были врагами. Сегодня мы должны быть полноценными партнерами. Европа — наш общий дом, и мы должны вместе укреплять безопасность этого дома. 🐜

Примечания

¹ Текст подготовлен на основе фрагментов выступления А. И. Антонова на совместном заседании членов *Centre russe d'études politiques* и Международного клуба *Триалог 24 апреля 2013 г., Женева, Швейцария*.